

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Doerfer G. Mongolo-Tungusica/Hrsg. von Weiers M. Wiesbaden, 1985. 307 S. (Tungusica. Bd 3.)

Будучи убежденным сторонником концепции контактного происхождения алтайской общности, Г. Дёрфер продолжительное время занимается исследованием материалов тюркских, монгольских и тунгусских¹ языков, уделяет много внимания объяснению природы существующих между ними связей. Как и многие другие алтаисты, он придерживается той точки зрения, что взаимодействие алтайских языков происходило в виде ступенчатого и преимущественно одностороннего влияния: тюркские языки влияли на монгольские, монгольские — на тунгусские. Влияние в обратном направлении допускается в значительно меньших масштабах, тогда как возможность непосредственных тюркско-тунгусских контактов либо ставится под сомнение, либо вовсе исключается².

В рецензируемой книге Г. Дёрфер ставит цель исследовать монгольско-тунгусские языковые связи приемами лингвистической географии. В результате тщательного изучения большого количества словарей, грамматических работ, диалектных описаний и других источников, перечисленных в библиографическом списке, он устанавливает шесть ареалов распространения монголизмов в тунгусских языках: W — западный диалект эвенкийского языка; E — восточный диалект эвенкийского языка; S — солонская группа; M — маньчжурский язык (с чжурчженским); Z — центральная зона (удгейский, орокский, кили, нанайский, удьчский, орокский, негидальский языки); L — эвенская группа. По времени заимствования выделены четыре пласта:

древний, или древнейший; новый; частично древний; неопределенный (лишенный дифференциальных признаков какого-либо из первых трех). Отличительные признаки древнего, или древнейшего, пласта: в ареале M — сохранение начального губного согласного (пратюрк. **parka* = др.-тюрк. *arg*, халадж. *harq* = м.-п. *harqal*, маньчж. *fafan* «помет животных и птиц»), интервокальных *γ* и *p ~ b* (др.-тюрк. *azū* = м.-п. *araya* = маньчж. *argan* «коренной зуб, клык»; др.-тюрк. *toplq ~ toblq* «лодыжка» = м.-п. *tobuγ* = маньчж. *tobgija* «колоно»); в ареале E — сохранение интервокального *γ* (м.-п. *berige* = вост. диал. эвенк. *bereye* «бич, кнут, плеть») и *t* в позиции перед *i* (м.-п. *ati* < *ati* = камнган. *ati* «внук»); в ареале S — ламбдаизм и сохранение интервокального *γ* (м.-п., солон. *aral* «дышло»; м.-п., солон. *zaya* «лошть»).

Первую часть книги (с. 17—147) составляют перечни монгольских и тунгусских слов по ареалам со статистическими данными. Например, WESMZL — группа монгольско-тунгусских параллелей, встречающихся во всех 6 ареалах; WE, ES, EM, EZ, EL, SM, SZ, MZ, ZL — группы соответствующих параллелей, прослеживаемых в каких-либо двух из шести ареалов. Общее количество рассмотренных в книге параллелей — 688, из них 193 включают в себя тюркские слова. Представленный материал не нов и, тем не менее, он чрезвычайно ценен, так как задача его в систематизированном виде с учетом распределения по ареалам открывает новый этап в изучении монгольско-тунгусских связей. Сомнительные и ошибочные, на наш взгляд, параллели немногочисленны, причем в основном это не монгольско-тунгусские, а тюркско-монгольские параллели, например: др.-тюрк. *auq*, м.-п., маньчж. *alēi* «игральная кость» (с. 115, № 390); др.-тюрк. *at*, м.-п. *ayta* «мерин», орок. *hakta* «кастрированный олень» (с. 17, № 2); др.-тюрк. *oju*

¹ Чтобы избежать недоразумений, мы пользуемся наименованием, принятым в книге Г. Дёрфера («тунгусские» вместо «тунгусо-маньчжурские»).

² Разумеется, речь не идет о поздних связях якутского языка с эвенкийским и эвенским языками.

«игра» и м.-п. *оfo* «целовать» (с. 142, № 632).

Вторая часть — научные комментарии. Здесь (с. 148—198) Г. Дёрфер предпринял попытку разграничить ступени древности тюркских заимствований в монгольских языках и монгольских заимствований в тюркских и тунгусских, выяснить возможность китайского влияния на тунгусский аялаут, уточнить место и роль дагурского языка в контактных процессах. Затем (с. 199—237, 284—297) производится всесторонняя оценка тунгусско-монгольских материалов на основе статистических данных и, далее (с. 238—261), дается обзор внутритунгусских языковых отношений, характеристика китайских, тибетских и других заимствований в тунгусских языках и тунгусских заимствований в монгольских. В заключение (с. 262—283) сделаны замечания в области антропологии, этнографии, археологии и истории. Книга снабжена указателем исходных монгольских словоформ, входящих в монгольско-тунгусские параллели.

Размеры рецензии не позволяют остановиться на всех вопросах, затронутых во второй части. Кроме того, следует подчеркнуть, что многие из них, например, вопрос о жуаньжуаньском вкладе и вопрос о монгольском происхождении ряда древнетюркских словоформ (с. 163—169), даже в своей постановке несколько преждевременны. Кстати, не бесосновательны доводы некоторых тюркологов и праиреведов в пользу установления согдийской принадлежности форм типа *tarzat*, *tegit* [1, 2].

Особого внимания заслуживают высказывания Г. Дёрфера о ступенях древности заимствований. Предлагая по существу свое толкование «закона» Рамстедта-Пелью, Г. Дёрфер реконструирует в тюркском праязыке начальный **p* (>халадж. *h*) и говорит о двух пластах тюркских заимствований в монгольских языках: древнем (пратюркскому **p* в аялауте соответствует ср.-монг. *h*, на месте которого позднее снова появляется *p*, о чем свидетельствуют тунгусские материалы) и относительно позднем (пратюркскому аялаутному **h*, развившемуся из **p* и сохранившемуся в халаджском языке, в монгольских языках соответствует отсутствие звука, в тунгусских — *h* и отсутствие звука). Произведенное разграничение конкретизируется указанием на последовательность преобразований аялаутного **p* и их хронологии: 1) пратюрк. **p* > прамонг. **p* (позднее в тюркских и монгольских языках **p* > **h* и затем в большинстве языков **h* > 0) > нан., ульч., орок. *p*, маньчж. *f*, эвенк. *h* и т. д.; 2) пратюрк. **h* > монг. 0. Переход **p* > **h* в монгольских языках,

по мнению Г. Дёрфера, проходил в период с VI в. по XIII в., переход **h* > 0 в тюркских языках — до X—XI вв. Сразу же заметим, что у изложенной точки зрения немало уязвимых мест.

Реконструкция пратюркского аялаутного **p* (>халадж. *h*) опирается преимущественно на материалы тунгусских языков, точнее, на материалы нанайского, ульчского и орокского, для которых характерен начальный *p* (~ *f* ~ *h* ~ 0), отчасти — на материалы халаджского языка. Соответствие *p* ~ *f* ~ *h* ~ 0 — чисто тунгусское, прослеживаемое во многих словах, не имеющих параллелей в тюркских языках, ср.: нан. *pā*, солон. *azi*, маньчж. *jazun*, эвенк. *hakin* «печень»; нан. *pikte*, эвенк. *hute* «ребенок»; нан. *pēje* ~ *fej* ~ *xēje*, эвенк. *heje* «лоб»; нан. *peku* ~ *jeku*, эвенк. *heku* «горячий». Особенности начала слова в южной группе тунгусских языков (*p* ~ *f*) определенным образом проявлялись при освоении заимствованных слов, ср.: др.-тюрк. *ertāk* «палец», ср.-монг. *herekej*, нан. *perke*, маньчж. *jerxe* «палец (большой)»; др.-тюрк. *urug*, ср.-монг. *huraqa*, ульч. *puā* «петля, силок». Понятно, что наличие в нанайском, ульчском и орокском языках начального *p*, соответствующего начальному *f*, *h* или отсутствию звука в других тунгусских языках и встречающегося в нескольких словах тюркского происхождения, само по себе не может служить опорой для реконструкции в тюркском праязыке начального **p*. Подкрепим свой вывод ссылкой на несколько иной, но сходный случай. Звук *h* в словах азерб. (двусл.) *havəs* «овес», *haxiz* «девушка не-азербайджанка», *harava* «арба», *hāvātdā* «конюшня», таг. *hateš* «огонь», *hadet* «обычай», хорв. «пост», тув. *helesin* «песок», *harī* «пчела», уйг. *hāsāl* «мед» отражает особенности происхождения заимствованных слов в тюркских языках, но никак не своеобразие их аялаута в языках-источниках. Не могут служить опорой для реконструкции пратюркского аялаутного **p* и материалы халаджского языка, в котором вторичность начального *h* достаточно очевидна: есть случаи, свидетельствующие о его относительно позднем появлении, ср.: *hYul-* «собирается», *holYul* «тамариск». С одной стороны, здесь налицо утрата начального *j* (ср.: азерб. *jYul-*, *julYun*), с другой — убедительное доказательство протетического характера халаджского *h*, который мог развиться лишь после утраты *j*.

Следует признать, что во взаимодействующих языках факты, являющиеся следствием внутреннего развития и адаптации иноязычных элементов, могут совмещаться с фактами, целиком представляющими гнетущую форму заимствованных слов в языке-источнике. Иначе говоря,

Фонетическое освоение заимствований не исключает возможности перенесения на тунгусскую почву тюркских слов с таким начальным согласным, который реконструирует Г. Дёрфер: **pārk* «петли, силок», **pökür* «бык, вол», **pārjak* «палец (большой)», **pabul* «спокойный», **paq* «помет животных и птиц», **pojta* «войлок». И все же подобная праторкская реконструкция обладает минимальной степенью достоверности. Прежде всего, недостаточно убедительны сами примеры. Так, др.-тюрк. *öküz* «бык, вол» — заимствование из индоевропейских языков, почти полностью сохранившее облик тохарского прототипа. Др.-тюрк. *amul* «спокойный, тихий» не имеет параллелей ни в одном из тунгусских языков. Халадж. *harq* «помет животных и птиц, экскременты человека» другим тюркским языкам, древним и современным, неизвестно (ст.-узб. *aryasun* < монг.). Др.-тюрк. *ujta* «войлок», встречающееся в диване Махмуда Кашгари, обнаруживает связь с общетюркским *ujtaq* «войлочный (шерстяной) чулок, валенок, обувь из ведубленной кожи» [3]. Далее, трудно допустить, чтобы в тюркских словах, попадавших в монгольские языки на уровне прамонгольского состояния, начальный **p* изменялся в *h*, а в этих же словах, заимствованных значительно позднее тунгусскими языками, он восстанавливался. Наконец, реконструкция Г. Дёрфера вызывает несогласие по другим соображениям. В тюркском языке надежно восстанавливается во всех позициях, включая начало слова, губной **p*, рефлексам которого в современных тюркских языках являются никогда не исчезающие *p* и *b* (*m*). Возникает необычная ситуация, когда в одной фонетической системе оказываются два *p*, принципиально не отличающиеся друг от друга и не находящиеся в отношениях дополнительной дистрибуции.

Решение сложной и чрезвычайно запутанной проблемы тюркского алаута возможно лишь на основе тщательного и глубокого изучения всех тюркских материалов. Скажем прямо: попытки игнорировать явление протезы или пренебрегать его значение по существу препятствуют дальнейшим поискам. О протетических согласных написано много, и здесь достаточно подчеркнуть, что наряду с *h* и *j* в разных тюркских языках, помимо чувашского, в качестве протетического звука широко представлен также *v*, например: ст.-кыпч. *vajna* «отна» «играть», *voltur* «oltur» «сидеться, сидеть», *ıjajal* «ujal» «стыдиться», *vur* «ur» «бить» [4], *vuđaq* «ođaq» «очак», *vıraq* «oraq» «серп» [5]. В джукетском говоре узбекского языка с протетическим *v* выступают несколько десятков слов. Та-

ким образом протетические согласные встречаются во многих тюркских языках, на разных ступенях развития, и их наличие — столь же бесспорный факт, как и существование базовых согласных. Различие между ними заключается в том, что один восходит к фонетической системе праязыка, являясь как бы начальным, тогда как другие не связаны с праязыком: их образование происходило в специфических условиях развития отдельных языков после распада тюркского праязыка.

По-видимому, нельзя считать окончательно раскрытой и природу среднемонгольского *h*, тунгусских *p, f, h*. Напомним, что еще П. М. Меллиоранский говорил об «аттакировании начального гласного с придыханием» в одном из древних монгольских диалектов [6] и тем самым подчеркивал роль дополнительных артикуляций в начале слова, а С. М. Широкогоров, который был склонен относить к вторичным и тунгусские *p, f, h*, связывал, например, появление эвенкийского *h* с усилением инкурсии [7, с. 102—109]. Кстати сказать, С. М. Широкогоров — автор не только «выдающегося» тунгусского словаря (с. 4), но и не менее выдающейся работы с критическим разбором урало-алтайской гипотезы [7], в которой сделан глубокий анализ проблем, относящихся к тунгусскому алауту. К сожалению, последние не использовались Г. Дёрфером (возможно, оказалась недоступной) и отсутствует в библиографическом списке.

Подводя итог сказанному о ступенях древности тюркских заимствований в монгольских языках и монгольских заимствований в тунгусских, сделаем ставший и без того уже ясным вывод: для реконструкции в тюркском праязыке начального **p* (> халадж. *h*) и возведения к нему среднемонгольского *h*, а также найшиского *p* (~ маьчк. *f* ~ эвенк. *h*) нет убедительных оснований.

С оригинальными взглядами Г. Дёрфера на ступени древности заимствований связано его отношение к ротацизму. Опираясь, в частности, на монгольские материалы, Г. Дёрфер предлагает праторкские реконструкции с первичным *r* для тех случаев, когда во всех тюркских языках, кроме чувашского, ему соответствует *z*, например: **ëkifä* «двойня» (др.-тюрк. *ikiz*, м.-п. *ikire*), **pārja* «немного» (др.-тюрк. *az* «мало, немного», м.-п. *araj* «едва»). Непременность реконструкции Г. Дёрфера очевидна прежде всего из-за соображений типологического порядка. С фонетической точки зрения, пожалуй, одинаково допустимы $s > z > r$ и $r > z > s$, однако последний переход встречается очень редко и иллюстрируется преимущественно примерами из француз-

ского языка XVI в., ср.: *chaire* (<лат. *cathedra*) — *chaise* [8, с. 150], др.-франц. *béricle* (искаженное *béryl*, лат. *beryllus* < греч. — *besticles* [8, с. 84]). Ср. также в манерном произношении куртизанок: *mazy (mari)* «муж», *pèse (père)* «отец» [9], *Pazis (Paris)* «Париж», *mèze (mère)* «мать» [10]. Неясны условия, в которых этот переход происходит. Напротив, переход $s > z > r$ засвидетельствован материалами многих языков, и, что особенно важно отметить, не вызывает сомнений его относительно строгая фонетическая обусловленность: нахождение *s* в позиции максимального ослабления артикуляции (интервокальное положение, конечная позиция в многосложных словах и в односложных словах с этимологическими долгими гласными). На первичность *s* (*z*) в тюркских языках указывают и факты самих тюркских языков. Примечателен процесс паменения близкого к *z* межаубного *ð*, происходивший в аналогичных фонетических условиях, ср.: **adaq* «нога» > чуваш. *ura*, **qod* «ставить» > чуваш. *zur*, **todun* «насыщаться» > чуваш. *taran*. Примечательна также направленность изменений в заимствованных словах: др.-тюрк. *öküz*, чуваш. *văđăr*, ср.-монг. *häker* «бык, вол» (ср.: Тох. А *ökäs*, Тох. В *okso*). Правда, Г. Дёрфер пытается возвести др.-тюрк. *öküz* к индоевропейскому архетипу с начальным *p* и конечным *r* в основе, ср.: лат. *pecor* + (с. 67), однако эта попытка явно неудачна. Непротетический *p* в словах любого происхождения, попадавших в среднемонгольский язык из тюркских языков, никогда не переходил в *h*. Следовательно, ср.-монг. *häker* не может восходить к **päker* или **pökär*.

Далеко не бесспорны и некоторые другие принципиальные установки в подходе Г. Дёрфера к реконструкции тюркских архетипов и объяснению расхождений в тюрко-монгольских параллелях, ср., например, интерпретацию дополнительных гласных в некоторых тюркизмах монгольских языков. Вместе с тем нельзя не отдавать себе отчета в том, что материал исследования в рецензируемой книге обширен и сложен.

Усилиями многих поколений алтаистов не только вносилась ясность в понимание долго не поддававшихся объяснению «темных пятен», но и создавалась невероятная путаница представлений о связях алтайских языков, о характере, количестве и составе совпадающих в них лексических единиц, морфологических показателей, структурных черт. Методическая ошибка корифеев алтаистики В. Банга, В. Котвича и Г. Рамштеда, заключающаяся в недооценке контактов в образовании языковых сходств, сыграла ро-

ковую роль как в формировании взглядов на происхождение так называемого общепалтаистского достояния, так и в выборе способов решения многих вопросов фонетики и морфологии отдельных языков и семей. И, несмотря на то, что каждый из них в конце своей жизни по существу признал эту ошибку, сила инерции оказалась настолько значительной, что вплоть до настоящего времени конвергентные процессы не получили глубокого освещения. С учетом сказанного становится очевидной особая ценность трудов Г. Дёрфера, упорно продвигающегося вперед по пути преодоления заблуждений, которые длительное время поддерживались ортодоксальной алтаистикой. Наши критические замечания по поводу нескольких важных положений теоретической части книги отражают принципиальные расхождения с автором в вопросах реконструкции тюркского праязыка и могут служить побудительным стимулом для расширения дальнейших исследований, однако они несколько не признают выдающейся роли Г. Дёрфера в изучении алтайских языков, его больших достижений в области тюркологии, монголистики и тунгусоведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Harmatta J.* Irano-Turcica // АОН. 1972. XX. P. 272—273.
2. *Clark V. L.* Mongol elements in Old Turkic? // JSFOu. 1977. LXXV. P. 118—120.
3. *Севертман Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. (Общотюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974. С. 581.
4. *Zajaczkowski A.* Materiał kolokwialny arabsko-kipezacki w Słowniku «ad-Durra^t al-muđi'a fi-l-luğat at-turkiya» // RO. 1968. XXX. 1. S. 74.
5. *Houtsma M. Th.* Ein türkisch-arabisches Glossar. Leiden, 1894. S. 15.
6. *Мелиоранский П. М.* Араб филолог о монгольском языке // ЗВО РАО. 1903. XV. 4. С. 162.
7. *Shirokogoroff S. M.* Ethnological and linguistic aspects of the Ural-Altai hypothesis / Reprinted from *Tsing Hua Journal*. V. 6. Peiping. 1931.
8. *Dauzat A. et al.* Nouveau dictionnaire étymologique et historique (de la langue française). P., 1971.
9. *Brunet F.* Histoire de la langue française des origines à 1900. II. P., 1906. P. 274.
10. *Bourciez E.* Précis historique de phonétique française. P., 1914. P. 209.

Щербак А. М.